

12+

Дарья Мокрицкая

Глядя на звёздное небо

Дарья Мокрицкая

Глядя на звёздное небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64112077

SelfPub; 2021

Аннотация

Тёплая июльская ночь и небо, усыпанное мерцающими пятнышками – звёздами. Они всегда безмолвно приглядывали за нами, будоражили воображение людей и толкали их на подвиги. Именно желание прикоснуться к звёздам, своей мечте, побудило человека отправиться в космос. Что, если бы первооткрывателем был именно ты?

Дарья Мокрицкая

Глядя на звёздное небо

«Ландыши, ландыши, светлого мая привет...» – доносилось с другого конца дачного кооператива, где праздник уже приближался к завершению. Музыка и голоса становились слабее, пока вовсе не растворились в тишине июльской ночи. Улица спала, ничто и никто не нарушал идиллию. Не были слышны ни стрекот сверчков, ни даже редкое шуршание листвы. Подруги погасили свет в домике, лишь тени скользили по стенам:

– Даша, ты точно не передумала ночевать снаружи?

Я улыбнулась:

– Нет, всё в порядке. Тут такая красота!

– Как знаешь, спокойной ночи.

– Да, доброй!

Вдруг вблизи забора что-то зашуршало, скрывшись в высокой траве. «Ёжик, наверное», – подумала я и продолжила заниматься приготовлениями ко сну под открытым звёздным небом. Мне повезло: на небе ни облачка. Спустя некоторое время, уже укрывшись в спальный мешок, я смотрела вверх, где неподвижно сверкали мириады звёзд. Именно туда были устремлены мои мысли, именно там была и я сама. Моё дыхание стало ровнее и глубже, тело наливалось приятным теплом, исходящим из почвы, а мысли в голове обрели

порядок, выстроившись в одну длинную цепь, как цепь далёких звёзд в широкой дуге Млечного Пути. Я потянулась рукой к небу, мысленно прикасаясь к этим белым, голубовато – зелёным, золотистым пятнышкам, дразнящим умы и фантазии людей. Кому же из нас не нравится смотреть на звёзды? Одни пытаются вспомнить названия созвездий (кстати, вот и крестообразный Лебедь расправил крылья над моей головой), другие восхищаются пленительной красотой звёзд, запечатляя её в литературе и живописи. Нельзя забывать и о науке – астрономы дают звёздам имена, ищут пути их образования, чтобы найти тот толчок, ту возможную единицу, которая послужила точкой отсчёта для всего живого и неживого.

Кончики пальцев почувствовали лёгкое дуновение ветра. Неправильно говорить *неживого*, не можем же мы утверждать, что только то, что мы *считаем* одушевлённым, действительно является *живым*, многое скрыто от наших глаз. Что, если Вселенная тоже наделена душой, является громадным организмом, в котором мы лишь подобие эритроцитов, разносящих кислород по капиллярам, и то, что принято считать *ВЕЧНОСТЬЮ*, всего лишь дыхательный цикл *того* организма (вдох и выдох), длящийся от трёх до пяти секунд. Может где-то там существует *НЕЧТО*, которое наблюдает за нами, проводит какие-то эксперименты, выставляя магнитуду землетрясений, разрушительность циклонов, а после систематизирует данные, записывает выводы. Ждёт. «А что на

самом деле там происходит – одному только... да впрочем никому неизвестно», – подумала я. Слишком много получается этих «*что если*», ответы на которые мы, возможно, никогда не узнаем; в этом, наверное, и заключается смысл жизни – в вечном поиске ответов. А иначе – зачем тогда жить?

Одно из пятнышек привлекло моё внимание еле уловимым передвижением по бездонной чернильно-чёрной массе. «*Это несомненно МКС. Я ведь сверяла траекторию полёта,* – с чувством ликования продолжала следить за малюсенькой точкой. – *Чем же сейчас занимаются космонавты: спят или наблюдают за дремлющим миром? Чувствуют ли, что за ними слежу?*» Возможно, всех нас временами посещает это чувство – так и хочется оглянуться! А станция продолжает движение вперёд, как мало человеку нужно для счастья: смотреть на звёзды.

В голове возникли образы учителей, с улыбкой говорящих: «*Второй Соловьёв подрастает*». (Да – да, в нашей рижской школе № 33 девятилетнее образование получал Анатолий Яковлевич Соловьёв, в будущем наблюдавший за родным городом с орбиты. Жаль только, что не довелось с ним встретиться лично). «*Льстят конечно, но небо зовёт, если уж болен авиацией, то это навсегда*», – наблюдая за МКС, думала я. Станный и непонятный оборот мы используем – *болеть* авиацией. Почему именно *болеть*, болезнь ведь можно вылечить; она может отступить или, наоборот, захлестнуть, будто волна. Любовь же к авиации – константна, её

невозможно подавить или усилить, она проявляется на уровне рефлексов – слышишь гул двигателей самолёта над головой и мгновенно устремляешь взор в поисках источника звука. Всё же небо, каким мы его представляем, не сравнить с космосом. Немного усилий требуется, чтобы окунуться в воздушную стихию, почувствовать её вязкость. Стоит только ускорить шаг, как почувствуешь сопротивление воздуха, а для *болеющих небом* – сесть в летательный аппарат. С космосом намного сложнее, это совершенно другой мир, со своими законами – он принимает лишь *избранных*. Но и избранные в космосе остаются в первую очередь *земными* людьми. Как долго бы там ни находились космонавты, рано или поздно проявляются их *земные* привычки. Какое ваше первое действие после пробуждения? Я, например, всегда первым делом направляюсь к окну, чтобы посмотреть, какая снаружи погода. В космосе она не меняется – всегда светит Солнце. Эта неизменность, наверное, со временем начала бы огорчать меня.

Но как быть нам, не входящим в список *избранных*, как прикоснуться к этому необъятному пространству? Единственной возможностью по-прежнему остаётся мысль мечтателей-фантастов и развитие технологий: фотографии, полученные со спутников, космологические модели, виртуальная реальность. Но что можно с них взять? Одних снимков недостаточно, они холодны, нужно пропустить *то место* через себя. «Да...многое, наверное, отдала бы за то, чтобы

хоть разок увидеть Землю из иллюминатора, изгиб её поверхности... – сказала себе. – Но была бы я готова шагнуть в бездну, осознавая, что обратного пути нет».

Требуется немалое мужество, чтобы проложить дорогу в космос, особенно быть *первым*. Такой чертой и обладал Юрий Алексеевич Гагарин – он был всегда готов к самым трудным испытаниям и, выступая вперёд, всегда предлагал: «Можно сначала я?» «*Да уж, не быть мне космонавтом...* – усмехнулась я. – *Не выдержала бы тренировок на центрифуге, длительного заточения в сурдокамере...но мечтать никто не запрещает!*»

Тем временем пятнышко продолжало свой путь, звёзды мерцали всё ярче, а мысли замедляли ход. Где-то вдалеке звучал знакомый мотив: «*Ландыши, ландыши, белый букет...*»

– «*Кедр*», «*Кедр*», я «*Заря-1*». Как меня слышите? Приём.

Будто электрический разряд, голос раздался в голове и заставил мгновенно очнуться. Человеку, хоть немного интересующемуся космонавтикой, известны эти мягкие и одновременно решительные нотки. Конечно, говорил ни кто иной, как главный конструктор Сергей Павлович Королёв, а капсула, в которой я находилась, была ни чем иным, как космическим кораблём «*Восток – 1*». Мои глаза забегали по пульту управления с множеством тумблеров и кнопок, по приборной доске с небольшим глобусом и телевизионной камере,

располагавшихся прямо передо мной на уровне вытянутой руки, но большее внимание привлёк иллюминатор «Взор» для наблюдения за космическим пространством. Его я заметила не сразу, так как был он прямо под моими ногами. На связь повторно вышел Сергей Королёв:

– «Кедр», я «Заря-1». Вас не слышу, повторяю, вас не слышу. Как твои дела? Приём.

Собравшись с мыслями, я быстро проговорила:

– «Заря-1», я «Кедр», слышу вас нормально. Как меня? Самочувствие нормальное, настроение боевое.

– Отлично. Готовность – пять минут. Всё идет нормально. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций. Я «Заря-1». Приём.

– «Заря-1», я «Кедр». Вас поняла. Занять исходное положение для регистрации физиологических функций. Положение заняла. Приём.

– Я «Заря-1», вас понял.

По телу побежала дрожь, казалось, холодный пот крупными каплями проступал на спине, мысли сплетались в огромный ком и тут же исчезали вообще. «Пять минут, всего лишь пять минут!» – мелькало в голове. Сердце бешено колотилось, но это и понятно – любой, переступая порог в неизвестность, не сможет обуздать то, что происходит внутри. Человек может не показывать волнение внешне, но его всегда выдают глаза, речь, мелкая моторика. «Я сильная, сильная, отступить нельзя», – шептала себе. Оставалось надеяться, что

меня не слышат в центре управления, уж больно обидно и стыдно станет, если *Старт* отменяют из-за какой-то истерики. Из динамика прозвучал успокаивающий голос:

– «Кедр», я «Заря-1». *Объявлена минутная готовность. Как слышите?*

– «Заря-1», я «Кедр». *Поняла. Минутная готовность. Исходное положение заняла. Приём.*

– Я «Заря-1». *Вас слышу хорошо. Во время запуска можете мне не отвечать. Ответьте, как у вас будет возможность. До скорой встречи!*

– «Заря-1», я «Кедр». *Вас поняла, до скорой, доброй встречи.*

Раздался незнакомый мне голос:

– *Ключ на старт!*

Эта простая манипуляция привела в действие сложнейший механизм, состоящий из ракеты-носителя и космического корабля «Восток».

– *Ключ на дренаж!*

Надулись топливные баки, придав ракете необходимую жёсткость. Отошла кабель-мачта. Я мысленно отсчитывала секунды, ведь осталась последняя команда.

– *Зажигание!*

Поднялась пыль, нарастал рев двигателей ракеты, а когда они вышли на полную мощность, прозвучало:

– *Подъём!*

Ракета тяжело начала подниматься вверх, преодолевая

Земное притяжение и плотность атмосферы – оболочку, отделяющую нас от неизведанного.

– «Кедр», я «Заря-1». Как меня слышно?

– «Заря-1», я «Кедр». Слышу вас хорошо. Чувствую перегрузку, вибрацию. Всё хорошо.

– «Кедр». Вас понял.

Перегрузка плавно нарастала, вжимая меня в кресло, будто тело наливалось свинцом, а на грудную клетку начинал давить бетонный блок. Становилось тяжелее говорить, так как мышцы натягивались и губы расплывались в широкой улыбке.

– «Кедр», я «Заря-1». Как самочувствие? Все параметры в норме.

– «Заря-1». Вас слышу. Хорошо. Растёт перегрузка. Самочувствие нормально.

Первая ступень прекратила работу, как только был выработан запас топлива, и отделилась.

– «Кедр», я «Заря-1». Прошло разделение, всё в порядке. Ракета идёт хорошо. Как самочувствие?

– Поняла. Самочувствие нормально. Спасибо.

Я ощутила сильный толчок и увидела в иллюминатор, как часть головного обтекателя пронеслась вниз, ответ не заставил себя ждать:

– «Кедр», я «Заря-1». Произошёл сброс головного обтекателя. Полёт идет нормально.

– Хорошо, поняла. Вижу Землю! Перегрузки продолжают

нарастать.

«Как всё же много воды на нашей планете!» – удивилась я, будто забыв о школьном курсе географии. Послышался хлопок, сообщили, что уже заработал двигатель третьей ступени. «Скоро невесомость», – подумала я. Волнение отступило, точнее его выдавило из меня перегрузкой.

– Крайний этап. Всё работает штатно.

– «Заря-1». Полёт идёт нормально. Наблюдаю Землю. Различаю реки, неровность рельефа. Самочувствие отличное. Приём.

Голоса из центра управления всё чаще сливались с помехами, пока вовсе не пропала связь. В скором времени произошло отделение третьей ступени, и наступила невесомость. Приятно защекотало в животе. После перегрузок её появление стало особенно приятным. Расслабив тело, я почувствовала, что оторвалась от кресла, лишь ремни удерживали меня на месте. Казалось, будто тело мне больше не принадлежало. Тогда я вспомнила, что мне уже тоже доводилось испытать кратковременную невесомость дважды во время любительских полётов, когда пилот выполнял петлю Кеплера или, как её ещё называют, *горку*. В то время больше всего учёных интересовал вопрос воздействия длительной невесомости на организм и мыслительные процессы человека. Никто не мог знать наверняка, как она скажется на космонавте в ответственный момент, что и стало причиной полной автоматизации космического корабля. Страшен человеческий

фактор в деле. Стоит убрать того же пилота из кабины самолёта, и риск снизится до минимальных значений. Тем же руководствовались конструкторы и инженеры – они пытались уберечь космонавта от самого себя.

Время замедлилось для меня, потеряло свою особенность скоротечности, но я знала, что это были всё те же 106 минут, изменивших мир. Я опустила голову, чтобы вновь взглянуть на нашу родную планету, насвистывая мелодию «*Земля в иллюминаторе*». Капсула вращалась, время от времени слепил солнечный свет, но это не мешало наблюдению. Землю окружал голубой ореол, который с приближением к космическому пространству становился темнее, пока вовсе не переходил в чёрный цвет. Ореол немного преобразился при выходе из тени Земли – его обрамляла рыжеватая полоса. Выступили слёзы, грудь распирало от счастья. Не найдётся такого земного слова, которым можно было бы описать увиденную красоту. Изумительная, восхитительная? Нет, это значит не сказать ничего. Если бы каждый мог увидеть Землю, непременно понял бы, что нужно беречь, а не разрушать эту красоту. А ещё лучше, как сказал сам Юрий Гагарин – *приумножить её*. Но Земля такая большая по сравнению с человеком, как мы можем ей навредить? Вот если Земле *придёт в голову* плечами подёргать, нас всех смочет с её поверхности, но сама планета никуда не денется. Мы должны себя беречь, осознавая, что Земля – это наш дом.

Вокруг лишь темнота, даже звёзд не видно. Мне стало

одинок среди этой *черноты*. Может я и не была одна в этот момент, наша Вселенная настолько велика, и с трудом верится, что мы *единственные*. Точнее я уверена, что где-то, вероятно даже в Альфа Центавре, жизнь бьёт ключом, может и менее развитая, но всё-таки – жизнь.

Вспомнилась трогательная встреча с Александром Ивановичем Лазуткиным – его добрые глаза, непосредственность и чувство юмора навсегда запечатлелись в моей памяти. «Помоему, все космонавты – широкой души люди», – с улыбкой подумала я. Он рассказывал и про гайки, которые иногда принимали за *НЛО* (с момента первых попыток покорения человеком космоса началось и загрязнение орбиты; космический мусор, даже малюсенькая гайка, таит в себе большую опасность, ведь столкнувшись с космическими аппаратами, обломки могут нанести им повреждения разной степени), и про белое свечение – *ангела* (так называли его на станции), который, как принято считать, наблюдает за космонавтами и охраняет их покой. Ну и за астронавтами тоже, конечно.

Сквозь помехи просачивался голос, я была рада услышать *человеческий* голос:

– «Кедр», к...кхи..., я... Как ...слы..те? Приём.

– Я «Кедр». Слышу вас плохо. Выхожу из тени Земли. Как параметры полёта? Приём.

– Вас ... кх...понял. Полёт прот...кает нормально.

Помню, что на самом деле скрывалось за «полёт протекает нормально». Космический корабль «Восток-1» оказал-

ся на более высокой орбите, чем планировалось изначально, по вине несработавшей команды на выключение двигателя третьей ступени. Теперь всё зависело от исправности работы тормозной двигательной установки, задача которой была затормозить капсулу, чтобы она могла войти в слои атмосферы. И она сработала, вернув космонавта на землю!

«Даш, Даша... – почувствовала лёгкий толчок в бок. – Мы завтрак уже успели приготовить, а ты всё спишь». Когда открыла глаза, меня ослепил солнечный свет, понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкнуть. Лишь потом увидела над собой склонившихся Адриану и Дану, моих лучших подруг, с тарелкой рисовой каши в руках. Мне понадобилось и время, чтобы развеять последние остатки сна. Тяжело было поверить, что это было лишь сновидение, простая игра фантазии, сильно уж обострились чувства этой ночью. Моё озадаченное выражение лица развеселило девочек.

Дана положила тарелку на траву и хохотнула:

– Что с тобой? Нас не узнала? Сейчас мы устроим аристократический завтрак. Пойду принесу остальное.

Уже из открытого окна донеслось:

– Даш, ты чай будешь?

– Да, спасибо.

Я подняла голову, солнце было уже высоко. Адриана, растилая плед на ещё влажную от росы траву, спросила у меня:

– Ну, как спалось?

– *Отлично!* – ответила я, смотря ввысь, а в голове была только одна мысль: *«Космос – это самое интересное, что есть в этом мире, и я обязательно открою его для себя!»*